

Начала не-философии. Введение

Франсуа Ларюэль

Начала не-философии. Введение

Франсуа Ларюэль — Université Paris-Nanterre, Paris, France;
email: francois.laruelle@free.fr

Пер. с фр.: Никита Архипов¹

Текст представляет собой введение к не-философии (и в не-философию) и буквальное введение к фундаментальной работе Ларюэля «Начала не-философии», в которой Ларюэль разворачивает свои основные принципы и идеи, а также базовую не-философскую аксиоматику. Начав свое рассмотрение с не-философского, точнее — с «не-философских полей», которые задает всякая философия, периферийно фиксируя их в качестве побочных продуктов своей философской работы, своего Иного, — он предлагает аксиоматизировать обнаруженное «Одно» как самую фундаментальную, или «последнюю», инстанцию, не сходную ни с Различием, ни с Иным, ни даже с Бытием. Это «Одно», «Одно-в-Одном», есть Реальное, нередуцируемый остаток и нечто, на что претендует философия в своем обычном мидасовском жесте тотализации. Подобное Реальное, по мысли Ларюэля, приостанавливает философскую машинерию производства «галлюцинаций», не желая при этом ни смерти, ни конца философии, но учреждая не-философию как такую теорию философии, которая рассматривает различные филосо-

¹ Перевод с французского Никиты Архипова по изданию: © Laruelle F. Principes de la non-philosophie. Paris: PUF, 1996. P. 1-18. Публикуется с любезного разрешения автора.

фии как свой предмет, данные или сырье. Согласно Ларюэлю, не-философия позволяет зафиксировать базовую философскую матрицу, где трансцендентность и имманентность являются крайними терминами, тасующимися в различных комбинациях, но ни одна из которых не достигает Реального, представляя положенные тезисы, но, конечно, претендует на него в своем обязательном философском жесте само-полагания и само-достаточности. Вместо этого Ларюэль предлагает рассматривать отношение комбинаторных матриц к Реальному в качестве «унилатеральной дуальности». Унилатеральная, или односторонняя дуальность может быть формализована следующим образом: некое X зависит от Y , но при этом Y не является зависимым от X , где X — всегда клон Реального, или Одного-в-Одном, трансцендентный и полученный из трансцендентности, а Y — Реальное Одно, заданное аксиоматически и абсолютно безразличное.

Какие философы, начиная или заканчивая свой интеллектуальный демарш, не задавались вопросом «Что такое философия?». Кто из них не пытался разработать свое понятие «не-философии»? Одни чаще всего игнорируют проблему философии — ее идентичности, множественности ее форм — и просто циклично практикуют ее самообоснование (*son auto-légitimation*). Другие — все те же — специально разрабатывают не-философию, соответствующую их притязаниям, и внедряют ее в философию. В силу подобного положения дел следует как можно скорее предложить [самостоятельное] не-философское мышление и рассеять любые двусмысленности. Под заголовком, который содержит чрезмерно классическое слово «Начала», можно будет найти исследовательскую программу, определяемую следующими факторами: отдельной проблематикой; рабочей формой с названием «унифицированная теория науки и философии»; изначальной теоремой о так называемой «силе мышления» [2], сочленяемой с понятием «определения в-последней-инстанции»; описанием актов мышления и наиболее существенных структур для так называемого «не-философского» теоретического и прагматического поля.

Очевидно, что термин «не-философия» имеет множество смыслов и определенную историю. С конца XVIII века Кант исследовал условия возможности философии, тогда как сама философия — на стыке между XVIII и XIX веками — говорит о «не-философии», чтобы обозначать ее «Иное». В промежутках между Кантом, Фихте, Гегелем и Фейербахом она систематически рефлексировала о себе самой, о своих пределах и возможностях, своем приложении, предмете и отношении к «обыденному сознанию» (*conscience commune*). В этот период «не-философия» обозначает до-спекулятивное состояние или отсутствие философии — невежество, в котором пребывает естественное или народное сознание. Этому временному невежеству уготовано быть замещенным и преодоленным в философии. Хотя последняя избавляется от этого невежества, ей удается осмыслить не только присущие ему добродетели,

но и святую невинность, которая не просто до-спекулятивна, а неспекулятивна. Иногда отсюда проистекает диалектическое примирение между двумя этими состояниями, равенство между обыденным и философским сознанием. В этой перспективе «не-философия» обозначает постфилософскую наивность или сверхфилософское состояние, которое придаёт чрезмерную ценность не-философскому, однако одновременно недооценивает его в других условиях и других системах. Позднее не-философское будет трактоваться как инаковость, периферийный остаток [не захваченный философией] или внешне-внутреннее условие философской деятельности.

Таким образом, каждая философия определяет не-философские поля (*marge*), которые она приемлет, обрезает, вновь присваивает себе или использует, чтобы обеспечить себя внешним в качестве своего рода потустороннего философии или инаковости, сопротивляющейся присвоению. В таком случае мы имеем дело с «не», чьи содержание и действующая сила носят онтический или эмпирический (в лучшем случае — онтологический) характер. Однако единственная роль этого «не» ограничена его последующим подчинением [философии].

Эта не-философская традиция всегда существовала и будет существовать. Еще совсем недавно Делез упоминал «план имманентности» — делезовское Бытие — и определил его как анти-философский и поддающийся схватыванию только через некую не-философию. Таким образом, Делез приходит к тому, что внедряет в философию всю мощь ее окрестностей, полей (*marges*) и других инаковостей. В действительности не только Делез, но и вся современная мысль, замещающая Бытие Иным, а Тождество — Различием в качестве истока мышления, принимает этот ограниченный и вторичный опыт не-философского, который продолжает вращаться вокруг философского. Нет никаких сомнений, что сегодня мыслители обобщают не-философское посредством понятия Иного и действия этого Иного, но не принимают в расчет до-философскую наивность. На текущий момент не-философское включается в философское, в

то же время исключаясь, и таким образом переходит из своего нововременного в свое постнововременное состояние. Несмотря на это, не-философское остается маргинальным, оказывается в меньшинстве как вторичный феномен, в результате чего только укрепляются верховенство и надменность философского, которое вновь утверждает свою способность господствовать и упорядочивать не-философское. В лучшем случае посредством Деконструкции устанавливается определенное равновесие между философским и не-философским, которое сопротивляется философии и образует ее симптом.

Когда мы говорим о не-философии, приписывая ей статус автономного мышления и подчиняя ей философское, то имеем в виду совсем другое, нежели описанную выше традицию и ее понятия. Когда «не-философия» больше не обозначает простое отношение философского к вне-философскому (с целью указать на тождественную инстанцию, протоколирующую действия философского) и перестает быть атрибутом (чтобы стать субъектом), то термин «не-философия» начинает применяться к мышлению, которое, все еще не сводясь к философии, не оказывается посторонним ей и образует новый взгляд на философию и новую практику последней. Таким образом философия становится предметом не-философии, предметом чистого трансцендентального, но не метафизического или онтико-онтологического «не». Вместо «предмета» мы будем говорить скорее о «материале», а вместо «полей» — о «побочной причине». Оценивая ситуацию из исторической перспективы, нельзя сказать, что мы заимствуем употребление термина «не-философия» из философии обыденного сознания, философии различия, проекта Деконструкции. Кроме того, оно не обязано и влиянию этнологии и психоанализа на философский «центризм», тем самым не-философия не присоединяется к современной напыщенности, царящей вокруг инаковости. Куда в большей степени «не» обязано другой, на этот раз научной, традиции, ссылающейся на «не-евклидов» стиль некоторых геометрий. Следовательно, речь идет о новой практике философии, куда

более универсальной, нежели сама философия, поскольку эта практика избавляется от некоторых постулатов последней, что в частности относится к согласованности философии с Реальным и ее способности подвергать реальное конвертации. Разумеется, этот проект не сведется исключительно к не-евклидову обобщению философии. Более современные научные достижения и «революции», как например совершенная Гедделем, будут также задействованы не-философией, делая её более пластичной и открытой. Однако наше «не» обязано именно «неевклидовой» геометрии.

На более фундаментальном уровне ссылка на неевклидову революцию стала возможной не только в контексте радикальной критики философии Различия и Деконструкции (Витгенштейн, Хайдеггер, Деррида), включающих опыт не-философского, но также в контексте критики целостности или идентичности философии. Говоря о «радикальной критике», мы имеем в виду поиск одновременно более реальной и имманентной инстанции, чем Различие или Иное. Мы обнаружили подобную инстанцию в «Одном» или в «видении-в-Одном», трактуемых в «не-философском» смысле и «не-философскими» средствами. Мы намеряемся покинуть территорию Бытия, как и Иного, чтобы направиться к Одному и радикальной имманентности, которые и кажутся нам самой реальностью.

Этот новый базис выступает целым континентом мышления, поэтому реорганизации подвергаются не только отношения науки и философии. Философия утратила свою самостоятельность на этом континенте и больше не может претендовать — идет ли речь о реализме или идеализме — на соответствие Реальному: хотя она и остается необходимой, теперь она выступает простым полем «феноменов», «объектов» или данных. Почему и для кого? Не для Одного или самого Реального, ведь это не имело бы никакого смысла, но для нового опыта мышления, который может быть развернут Видением-в-Одном за пределы самого себя. Этот опыт будет называться «силой мышления» или «мыслительной силой». Отправляясь от Одного, эта «сила»

установит новое и более универсальное отношение с философией, захватив ее из глобальной перспективы. Обращение к термину «сила мышления» предполагает и одновременно практикует новое пользование — да, это самая настоящая прагматика, хотя и теоретического толка — философской традицией. Надлежит показать состоятельность мышления, которое размещается не «до» или «после» философии, не выступает празднованием ее смерти или ее повторного утверждения и не оказывается восстанием ее полей (*marges*), трактуемых как Иное-нежели-философия, против философии, но представляется автономной дисциплиной, которая обладает своими принципами, правилами, нормами, позитивностью и своим предметом (философия), а также своим предельным опытом Реального (Один). Эта дисциплина должна обладать возможностями (*moyens*) состоятельной и автономной дисциплины: особый опыт Реального, всеобщий синтаксис, правила и процедуры преобразования философских материала и целей. Проблема — одновременно изобрести и обнаружить мышление, которое, не отрицая философию, не желая ее смерти, в очередной раз не подчиняя себя ей, приостанавливает ее претензии на Реальное и находит ей новое применение с целью построить новый и более строгий и реальный порядок мысли, чем сама философия? Что за опыт Реального может быть определен таким мышлением?

Наиболее универсально-неизменная черта философии — это дробная матрица, состоящая из терминов, чье соотношение может быть записано как $2/3$: она наделяется внутренней и внешней сторонами, которым соответствуют имманентность и трансцендентность, в то время как ее термины предполагают синтез или иерархию, где один и другой поочередно одерживают верх друг над другом. Эта так называемая «матрица» «философского Решения» может выразить тождественность двух отношений, которые философия может поддерживать сама с собой: речь идет о тождестве $2/3$ (если третий термин, ответственный за синтез, имманентен диаде, то философии недостает самой себя) и $3/2$ (если третий термин трансценден-

тен диаде, то философия ощущает излишек самой себя)². Опираясь на эту структуру, философия претендует на определение самой себя в отрыве от всех своих эмпирических определений, чье перечисление обеспечивает ее самополагание, самопонимание или самообоснование и самоименование. В этой формальной черте укореняется циклический характер философской аргументации с процедурами самоузаконивания. Тем не менее эта черта не выступает исключительно формальной или синтаксической, поскольку посредством нее философия претендует достичь Реального и, следовательно, частично образовать последнее. Повторим это в других терминах: самополагание и самовыдача³ философии — это не простое проявление син-

² Согласно Ларюэлю, философия начинается с операции «Самополагания», которая выступает частным случаем философского решения. Что именно «решает» философия, чтобы дробность, о которой говорит Ларюэль, появилась на свет? Если в начале было только Одно (1), ограниченное простым измерением феноменального, в которое еще не было внедрено никаких понятийных делений, то, появляясь, философия проводит различие между наивным «обыденным мышлением», которому отказывается в доступе к реальности, и «философией», чьей задачей оказывается оттолкнуться от обыденного, чтобы прорваться к Реальному. Занимаясь своего рода фильтрацией или очищением спонтанного обыденного мышления, философское ведет его к совпадению с Реальным. Судя по всему, именно такой сценарий и выражается автором посредством дроби $2/3$, которая появляется на месте недробного одного. Таким образом, 2, стоящее слева от дроби, обозначает базовое понятийное деление, а 3 — потенциальный результат, синтезирующий термины начальной двойки. Если дробное $2/3$ отсылает к классической философии, допускающей синтез, в результате которого дробность схлопнется, став новым одним, то значительно сложнее осмыслить, как Ларюэль понимает сочетание $3/2$, за которым может скрываться деконструкция Деррида: от синтетической формы *différance* (3) происходит переход к двум: философскому и не-философскому, которые систематически пытаются друг друга присвоить. — *Прим. пер.*

³ В этом месте Ларюэль использует термин **autodonation**, который в свою очередь отсылает к понятийному делению между *donné* (в отечественной традиции «данным») и *donation* (данностью, в этой же традиции). «Данность» не кажется нам удачным переводом для *donation* сразу по ряду причин: 1) Причина морфологического характера. Французское окончание *tion* указывает не на статичное состояние «данность»), но на активный процесс, который можно назвать «выдачей» или даже неловким «даванием». Несмотря на явные стилистические недостатки, оба перевода значительно лучше схватывают оригинал, поскольку схватывают «*acte de donner*» (акт выдачи), который и выступает определением для *donation*; 2) Причины семантического характера. В русском языке любое данное положение дел может быть названо «данностью». Таким образом, несложно найти случай, когда «данное» и «данность» семантически слипнутся. Во избежание подобных смысловых казусов здесь предлагается иной перевод. — *Прим. пер.*

таксиса, но претензия философии на возможность определить Реальное посредством этой операции. Следовательно, достаточно постулировать, опираясь на мышление, соответствующее этому Реальному, тип опыта или Реального, которое ускользает от самополагания и не совершает кругового движения от Реального к мышлению и обратно. Этот тип опыта — Одно, которое не унифицирует [термины посредством синтеза], но пребывает в-Одном, будучи Реальным, которое скорее имманентно себе, нежели той иной форме мышления, «логике» и тому подобному. Это Реальное дано без-полагания и без-выдачи. Мы постулируем такой опыт, чтобы отказать философии в ее главной претензии и иметь право говорить, что она не достигает Реального, даже если она поддерживает с ним некие отношения. Ссылаясь на схоластически-мистическую традицию, мы разграничим трансцендентальное Одно, присущее философии, и трансцендентное Одно, скорее присущее исторической и религиозной мистике. В конечном счете если что-то отделяет не-философию от философии и ее философско-мистических смесей и от упомянутой двойцы «Одних», так это реальное Одно, которое имманентно себе и выступает имманентной самостью, Одно, для которого имманентность выступает скорее реальной сущностью или «субстанцией», нежели отношением или свойством. Одно по имманентности⁴ отделяется как от трансцендентного Одного, так и от трансцендентального Одного, но лишь при условии, что такое Одно будет радикальной имманентностью без мельчайших частиц трансцендентности, внешнего, разделения, негативности или ничто. Мы назовем его скорее Одним-в-Одном, нежели Одним-в-Бытие или как-Бытие. Это Одно, которое скорее реально как Одно, нежели бытийствующее Одно или Одно, каким оно могло бы быть. В равной мере, мы употребляем такие обозначения как видение-в-Одном или, что лучше, «увиденное-в-Одном».

⁴ Ларюэль обыгрывает выражение *par nature*, которое переводится на русский язык как «по природе». — Прим. пер.

Таким образом, не-философия наделяет себя минимальной или феноменальной имманентностью: последняя может быть дана лишь до всякой выдачи, она с необходимостью должна быть дана таким образом, и только такая имманентность возможна. Не-философия исследует любой встречающийся ей трансцендентный опыт и описывает его, исходя из этой имманентности. Следовательно, это мышление остается в пределах радикальнейше «внутреннего» опыта, однако понятого как имманентность феноменального выданного (*être-donné*). Описанное мышление сохраняет эту установку, даже когда перед ним вырисовываются такие слои трансцендентности, которые предполагают иные⁵ способы выдачи. Следовательно, оно стирает сами операции выдачи и полагания и выявляет реальную степень их содержания [в имманентном]. Работая в пределах феноменальной имманентности, выданного или манифестированного, эта «реальная» мысль, о которой следует уточнить, что она трансцендентальна и пребывает в-последней инстанции, устраняет скорее объективность, но не возможный опыт в целом. Такое мышление замещает принцип самополагания возможного опыта на простое аксиоматически-трансцендентальное полагание. В то же время реальный или феноменальный опыт может полагаться или мыслиться скорее посредством аксиом или «первых терминов», нежели понятий, категорий и философских положений.

Матрица такого мышления больше не сводится к философскому $2/3$ с его предельной цикличной причинностью, к соотношению $1/2$ (философия Различия) и еще в меньшей степени — к метафизическому 1, которое искусственно получено из

⁵ Из-за специфики изложения может быть неясным, иными относительно чего выступают способы выдачи, о которых говорит Ларюэль. В начале абзаца Ларюэль объявляет, что не-философия трактует все феноменальное исключительно как данное до выдачи. Как в этой книге, так и в более ранних работах Ларюэль называет это «данным-без-выдачи», что означает, что сам опыт не был задан в опоре на какие-либо трансцендентальные механизмы и выступает предельным. В несколько противоречивой манере Ларюэль называет такое данное «данным» в «последней инстанции». См. об этом дальше по тексту. — Прим. пер.

1/2. Матрица такого мышления не дробна, потому что это матрица одного, которая и есть 1, но в равной мере — 2, которое, будучи нередуцируемым 2, выступает 2-в-1 в-последней-инстанции, одним двух или одним двумя, но не 1/2.

Эта матрица содержит три термина: реальное или неделимое тождество — Реальное-Одно; некий термин = X, полученный из трансцендентности, а поэтому — не имманентный; и в конечном счете термин, именуемый трансцендентальным тождеством и выступающий правдоподобным клоном Одного, который вычитается из Реального трансцендентным термином X. В действительности Одно не выступает «термином», ибо его нельзя идентифицировать с трансцендентностью, и оно имеет статус тождества-без-синтеза. Термин X, добавляемый к Реальному, не формирует диады и проваливается в попытках образовать последнюю с Одним, которое не удастся посчитать в этой структуре. Однако термин X удовлетворяет свое желание, откачивая из Одного его неотчужденный образ, который носит чисто трансцендентальный характер, но именно с ним он и формирует дуальность или двойственность, в которой трансцендентальное рассматривается или учитывается только с точки зрения X: по этой причине речь идет про «унилатеральную» дуальность. Это трансцендентальное клонирование Реального представляет радикальное упрощение матрицы Философского решения до «натуральных» или «простых» чисел. В истории философии этот синтаксис получил удивительное имя «определения-в-последней-инстанции», и мы полагаем, что сопряженная с ним логика указывает на не-философскую логику внутри самой философии. Однако философы едва ли могут схватить его смысл, из-за чего они вновь диалектически интерпретируют эту форму причинности. В переходе от Реального к философии, следовательно, от радикальной имманентности к трансцендентности, присутствует причинное отношение, которое мы резюмировали через идею определенной комбинации тождества и дуальности, не-философской или не-смешанной комбинации, где тождество выступает не просто тождеством, но

тождеством унилатеральной дуальности: как дуальность, она выступает дуальностью-в-тождестве и в-последней-инстанции, в то же время пребывая вне-тождества или без синтеза и деления. Дуальность относительно автономна и отчетлива, но в то же время, уже по другой причине, тождественна тождеству. Со своей стороны, тождество, как тождество Реального, не подвергается и не учреждается Дуальностью, которая отбрасывается за его пределы и по-настоящему не проникает в него. Таким образом, дуальность находит свою причину в Тождестве, но не разделяет его, как это происходит в философии в результате анализа и синтеза: Тождество и Дуальность больше не современны и не одновременны, как это происходит в философии Различия, и даже не оторваны или отделены друг от друга. Это радикальная дуальность: в большей мере она остается дуальностью даже тогда, когда укореняется в тождестве Одного, нежели убирается в предельный синтез. Одно больше не запирает Дуальность или множественность в круговом движении синтеза или энциклопедии. Этим заканчивается любая горизонтальная телеология, как и всякая [философия] Различия. Эта матрица не является и никогда не была философской, даже если она действовала внутри философии. Марксизм отчасти обнаружил ее, не сумев придать ей трансцендентальный смысл и обеспечить ей эффективность в силу своего гегельянства и приверженности философии. Эта матрица порождает причинность реального тождества и Реального как тождества. Ее «логика» не только завершает период привилегий и господства диалектики или различ(ан)ия (*differe(a)nce*), но и всей философии. Определение-в-последней-инстанции, наконец-то рассматриваемое в зацементированном виде, приобретет форму трансцендентального органа, «мыслимой силы» или «мыслительной силы», которая находится в самом сердце не-философии.

Теперь достаточно позаимствовать у философии терминологическую диаду — контрастирующую пару «философия» и «наука», чтобы преобразовать ее, опираясь на тождество дуальности. Этот синтаксис, точнее единтаксис, выводится из двой-

ственности радикальной имманентности в качестве инстанции, которая преследует философскую (или иную) трансцендентность и одновременно обуславливает ее. Этот синтаксис удерживается в заданных пределах, но отправляется от реального опыта и, следовательно, от того факта, что последний пребывает в последней инстанции. Не-философия выступает предметом трансцендентальной индукции или дедукции из реального-Одного (или из мыслительной силы) в поле опыта, отныне образовываемого философией и региональными знаниями. Эти операции вновь определяют манеру, в которой мы обуславливаем философию и применяем ее: она больше не может рассматриваться в качестве реальной или в-себе, другими словами — в качестве самополагающей дисциплины, но будет рассматриваться как материал для не-философии внутри той перспективы, где последняя выступает феноменом-в-последней-инстанции. Философия и наука, искусство и этика, а также другие возможные пары фигурируют в не-философии не как таковые и не сами по себе, но как «вклад», то есть выступают простыми феноменами-в-последней-инстанции.

Таким образом, статус-кво философии нарушается. Внезапно она оказывается в конкуренции с региональными знаниями, в частности — с науками, потому что она претендует определить (*déterminer*) те же объекты и тот же опыт, что и они, но делает это иначе. Она постулирует два дискурса применительно к одному опыту. Не-философия уходит от этого начинания и ставит на первое место свой предмет. Этот предмет больше не опыт «в-себе», но совокупность уже готовых региональных и фундаментальных знаний. Не-философия представляется трансцендентальным мышлением, которое соотносится скорее с этими региональными знаниями, нежели с их предметами. Предположительная «тажесамость», допускаемое аналитическое или синтетическое тождество научного и философского предмета — вот так называемое «Реальное» или «здоровый смысл», который определяет унитарно-законодательное предприятие философии и войну, которую она ведет повсюду. От-

ныне давайте допустим, что Реальное не сводится к объективному тождеству, к этой «тожесамости», но что оно выступает Тождеством собственной персоной, Тождеством в его не-объективной имманентности. Только такое Реальное может отделяться от философских претензий и определить не-философию как трансцендентальное мышление, которое скорее имеет отношение к философии и наукам, нежели к их предметам. Тип тождества, который обосновывает философию, представляется ее неререфлексивной и искусственной чертой, производной от того, что философия имеет устройство черного ящика. Это черта превращает ее в трансцендентальную технологию. Мы также можем описать ее [функцию черного ящика] в качестве постулирования «чуда», общего смысла или предустановленной гармонии — чуда, которое обрекает философию на логические ошибки. Не-философия может обосновать себя только через инстанцию реального тождества, которое исключает здравый смысл, предустановленную гармонию, технологическую причинность с ее модусами (анализ, синтез, различие, диалектика) и, находясь в своем праве и своей стихии, учреждает чистое мышление. Окрещенное нами в качестве «трансцендентального клонирования» — это полное разрушение общего смысла, предустановленной гармонии и утверждение «реальной» или трансцендентальной причинности, которая исключает технологию за пределами мышления. Если может показаться, что трансцендентальное клонирование все еще таит в себе загадку, то последняя так или иначе кажется куда менее замысловатой, чем мистерия философского Решения. По меньшей мере загадка трансцендентального клонирования формирует свое реальное ядро — ядро, которое принципиально вытесняет и игнорирует философия, а затем создает мистерию вокруг этого вытеснения. Как известно, Кант обнаружил гениальный принцип, согласно которому условия опыта и условия предмета опыта идентичны. Однако станет очевидным, что в философии этот принцип представлен в ограниченной и стесненной форме, как только мы придадим ему его оптимальную и ради-

кальную форму: реальные условия опыта и условия предмета опыта тождественны-в-последней-инстанции. Такова основа, на которой разворачивается не-философия без опоры на любые спекулятивные «чудеса».

Почему речь о трансцендентальном знании? В определенном смысле философия хотела совместить и перемешать две операции, которые четко отмежевываются друг от друга в науках: 1. Приобретение «наивного» знания посредством опыта (отсюда и проистекает необходимая отсылка философии к наукам, искусствам, технологиям и даже ее конкуренция с этими региональными знаниями); 2. Квази-формалистская претензия обобщающе помыслить эти региональные знания. Это обобщение представляет подлинную задачу философии, но не ее единственную задачу и, следовательно, не ее чистую задачу [non pure par conséquent]. Не-философия отказывается от первой операции и оставляет приобретение знания тем, кто де юре способен заняться им (науки, искусства, этика и т. д.) и не пытается конкурировать с этими региональными знаниями на их территории. В то же время ей отойдет чисто трансцендентальная нормализация этих знаний. Таким образом, основываясь на их вкладе, она породит порядок чистого мышления, в равной степени выступающего теорией (и) практикой. Приобрести знание — необходимо, но недостаточно, если сюда не будет привнесено его обобщение и формализация. Но последняя не должна вбирать в себя или воспроизводить через себя наивность, присущую операции приобретения знания. Не-философия ставит перед собой задачу формально обобщить все знания, включая сюда фундаментальные дисциплины и философию, а не смешивать операции приобретения и формализации. Но как обобщить эти знания? Снабдить их дополнением в виде самополагающей рефлексивности или инаковости? Это означало бы вернуться к заблуждениям философии, которая в недостаточной степени обобщает эти знания, поскольку все еще делает это слишком эмпирически, укореняя такое обобщение в размышлениях о первичном приобретении тако-

го знания. Единственная строгая формализация, на которую способно мышление в качестве мышления, с необходимостью выступает скорее чисто трансцендентальной, нежели эмпирико-трансцендентальной. Таким образом, не-философия рассматривает все знания без исключения — как региональные, так и фундаментальные — как простое априорное относительно опыта, априорное без саморефлексии (само-полагания, само-выдачи), следовательно, без рассмотрения условий их возможности. Не-философия устанавливает равенство между фундаментальным и региональным, но сохраняя их качественную разнородность, отныне лишенную всяческого несправедливого иерархического значения. Трансцендентальная редукция философии до состояния простого материала — простого объективного феномена — освобождает бесконечное поле возможностей (действительно универсальное) от философских ограждений.

Мы полагаем, что любая философия играет для другой философии роль мета-философии, выступая неотъемлемой частью традиции, внутри которой всякая философия должна быть замещена, если только она не соотносится со своим тождеством/идентичностью, как это происходит с не-философией. Осуществление подобной роли, с вытекающими отсюда претензиями на власть, понимание и критику, запускает философский проект в наиболее общем виде и не учреждает какой-либо науки или истинной теории философии. Всей своей практикой не-философия изобличает провальность и компульсивный характер подобной мета-философской претензии, которую желает возложить на себя любая философия в отношении всех остальных философий, — претензии, которая всякий раз приносит за собой идеал, провоцирующий разговоры о «смерти философии». Таким образом, мы хотим изобрести мышление более мощное, нежели философия, но не выступающее мета-философией. Более «мощное» в смысле теоретического господства над философией, но не господства политического. Не-философия способна стать предметом трансцендентальных дедукции или индукции нового

типа, другими словами — стать «приложимой» к опыту, простираясь на философию и науку, философию и искусство, этику и т. д. Если не-философия учреждается через отречение от мета-философского идеала, то она позитивно осуществляется как унифицированная — скорее унифицированная, нежели унитарная — теория философии и науки, философии и искусства, этики и т. д. Это теория, которая производит осмысление фундаментального и регионального через имманентность, а не трансцендентность (мета-философия). «Наука философии» и «философия науки» более не могут воплотиться в образе единой философии, которая была бы одновременно мета-наукой или мета-философией (в отличие от позитивизма, движущегося в обратном направлении), но только в форме унификации вклада философии и науки на основании имманентного тождества или определения-в-последней-инстанции. Следовательно, не-философия не сводится ни к пресловутой «позитивной» науке философии, ни к «абсолютной» или «строгой науке», все еще остающейся той или иной философией. Выступая трансцендентальной редукцией философии, она исключает позитивистскую редукцию философии, как, следовательно, и ее смерть от рук мета-философии, которая может принять облик — и позитивизм не единственный случай — «философии как строгой науки». Если же речь заходит о новых отношениях, которые она завязывает между философией и наукой, не-философия учитывает геделевское ограничение и в присущей ей трансцендентально-комплексной манере перекрывает путь любым программам философского обоснования наук, замещая проект метафилософии на тот, что мы именуем унифицированной теорией науки и философии. Не-философия ставит трансцендентальной органон (простое полагание) силы мышления на место метафизического и трансцендентного самополагания и самообоснования, которое управляет отношениями философии и науки на условиях самой философии. Тем самым не-философия соотносит с ним (органоном) две этих дисциплины. Так она отдает должное множественности философских решений и их владычеству над опытом.

Когда не-философское размещается на полях философии и находится в ее власти, оно остается простым метафизическим объектом или положением, прямо или косвенно (как, например, при деконструкции метафизики) выступая дополнительной гипотезой, проясняющей суть Реального и философии. Однако оно теряет статус подобной философской гипотезы об измерении в-себе и перестает быть простым положением в тот момент, когда, обретая себя в качестве не-философии, оно получает статус теоретически действенной «простой гипотезы», в равной степени научной и философской. Мы пришли к антиномии науки и философии, тогда как не-философия стала реальным разрешением этой антиномии, не прибегая к синтезу или очередному решению, все еще остающемуся философским. Понятие не-философии не только дескриптивно, но в той же степени (в силу внутреннего тождества) теоретично: обращаясь к принципиально новым редукции и дедукции, она способна объяснять философскую-и-научную действенность, а не заниматься лишь ее пониманием. Впрочем, это не только чисто теоретическая сущность, но и, в силу своего внутреннего устройства, — практическая и способная преобразовать манеру, в которой действует знание [connaissance], а не только интерпретировать его. Проблема, на которую отвечает не-философия, — это не проблема реальности предмета («философия», «наука», «искусства»), но познания предмета, другими словами, трансцендентальная проблема. Тогда как ответ на эту проблему указывает на трансцендентальный органон, предназначенный заменить органон логики, который пригоден только для философского мышления об опыте, на мышление о философии и науке. Итак, почему именно трансцендентальный органон?

Не-философия должна оставаться гипотезой: не смешиваться со своим предметом, составляющим ее опыт. В этом отношении теория философии не более философична, чем круга идея круга. Впрочем, она не должна довольствоваться объяснением действительности, но должна вносить вклад в ее преобра-

зование или, по крайней мере, иначе распоряжаться ей (если не напрямую, то хотя бы в пределах ее познавательно-объяснительных возможностей), следовательно, быть больше, чем просто верифицируемой или фальсифицируемой гипотезой, которую мы подвергали бы изменениям под давлением опыта. Будучи верифицируемой или фальсифицируемой, гипотеза изничтожается и исчезает, обретая форму утвержденного знания, но философия должна оставаться гипотезой. С другой стороны, даже как простая гипотеза она должна — и это наше второе требование — способствовать трансформации реальности, как ее видят философия и наука, а не просто познавать ее. В самом деле, в отличие от опыта, гипотеза о не-философии не может быть эмпирически обоснована или таким же способом быть забракованной, поэтому она по меньшей мере должна преобразовать этот опыт. Как назвать механизм, который опознает [*identifier* также означает «отождествлять»] внутри себя две этих функции? Органон. Превратить не-философию во всеобщий органон мышления: она больше, чем простая гипотеза, и меньше, чем закрытая система или теоретическая примочка, это задача. С одной стороны, подобный теоретический инструмент никогда не окажется заперт внутри уже законченного знания, поскольку будет непрерывно производить что-то новенькое, открывать или, напротив, ограничивать пространство познавательных дисциплин, не смешиваясь с описываемой ими реальностью. С другой стороны, он может в достаточной степени проникнуть в реальность, чтобы подействовать если не внутреннему преобразованию действительного хода философии, истории, политики (верить в это тождественно иллюзии), но, по крайней мере, такому их использованию, которое укладывалось бы в пределы теоретического познания, «трансцендентальному» использованию, поскольку науки и философия послужат для него материалом или предметным полем.

Это было бы способом гарантировать не-философии — на текущий момент понятию столь неопределенному и выступа-

ющему предметом изрядного числа скандальных претензий — плодотворность сразу в двух смыслах: теоретическом и практическом. Расплатой за эту плодотворность окажется как уход от односторонних и противопоставляющихся друг другу решений, так и отказ трактовать понятие не-философии в качестве просто описывающего мысль философского типа, в качестве чего-то теоретического или деконструктивистского. С одной стороны, не-философия становится функционально универсальной: это теоретически действенное понятие, пригодное для объяснения — в известных случаях и для предсказания — функционирования и динамики философии или философской традиции. С другой стороны, если она не оказывается непосредственным способом влияния на философию и науку (разве что посредством отдаленных культурных эффектов), то она вторгается в познавательные дисциплины, уже учрежденные наукой и философией, использует их и дает им иное направление: трансцендентальный органон — это инструмент модификации, но не течения самого предмета, а протекания познания этого предмета и имманентного использования такого познания.

Напрашивается необходимость определить, не порождая при этом недопонимания, задачи и цели не-философии. Хотя целеполагание перестало быть для нее определяющим фактором, нельзя сказать, что у не-философии нет задач, но теперь они вторичны относительно Реального, чья радикальная автономия способна бесспорно определить мышление в-последней-инстанции. Задачи и цели существуют только для мышления, ограниченного Реальным, но не для самого Реального. Кроме того, эти цели и задачи все еще вытекают из конкретной манеры преобразовывать телеологию, которую влачит за собой философия. Не-философия — это не мышление, которое должно заместить философию, ратифицировать ее смерть, посодействовать объединению ее разрозненных членов или перезапустить ее с ориентацией на менее метафизические задачи. Это мышление, предназначенное философии, но которого ей не хотелось бы, и которому она де-юре сопротивляется. Это

мышление достаточно самоценно, чтобы стать чем-то иным, нежели просто не знающей себя трансцендентальной иллюзией. Достаточно пригодно, чтобы знать, что оно с необходимостью выступает отбрасыванием Реального. Это мышление, которое соотносится с философией как с «предметом» нового рода и делает это, позитивистски не уничтожая ее. Всякая вещь, в Мире или вне него, подлежит если не науке и философии в отрыве друг от друга, то, по крайней мере, мышлению-науке, внутри которого философия находит свою роль: однако почему философия, которая и образует этот Мир, сама не подвергается этому мышлению? Поскольку считается, что это мышление, находящееся в самой высокой позиции. Однако, будучи наиболее универсальной формой мышления, не выступает ли она лишь ограниченной и авторитарной формой этого мышления, которая скрывает от нас прочие возможности? Как философии удалось сразу же превратиться в самую универсальную форму мышления, в то время как все в ее поведении свидетельствует о ее стихийном возникновении, «природном состоянии» и слишком диких и плохо цивилизованных страстях?

Мыслить, исходя из идеи о «смерти философии», включая более сладкую идею о смерти господства и попытках отцеубийства, — вот желание и практика всякого философа, даже если он выступает за философию, разумеется, свою философию, а не чью-то еще. «Смерть философии», понятая в таком ключе, — это «главный аффект», присущий самой философии. Это не пафос, внутренне присущий философии, как это происходит с тревогой, сомнением или удивлением, но пафос, которым охвачено отношение любой философии ко множеству других. Необходимо перестать ставить эту проблему в общеабстрактной манере (с точки зрения конкретной и определенной философии с необходимостью слепой в отношении других) и начать полагать ее как проблему междоусобной борьбы, характерной для множества философских решений, не ведающих о себе. Мы имеем дело не с межгосударственной или партизанской войной, но гражданской войной всех против всех. «Граждан-

ская» все еще означает «естественную» войну. Порядок мышления многократно делится: между множеством конкурирующих философий, между философией и науками, философией и искусством, философией и этикой. Это иерархический, несправедливый и авторитарный порядок без демократии. Он заявляет демократию, но не выполняет своего обещания и конфликтен по своей сути. Не-философия — это построение (на базе нового всеобщего языка и в отрыве от философских наций и империй) нового демократического порядка мышления, который исключает конфликт как между самими философиями, так и между региональными знаниями. Эта конфликтность исключается посредством «трансцендентальной демократии», которая основывается на неустранимом характере реального тождества и присущего ему типа множественностей или множеств. Не-философия сохраняет разнородность различных опытных областей, отдает должное их относительной автономии (их идентичности), вставая в оппозицию к унитарным и иногда тоталитарным претензиям философии или наук (если последние пытаются возложить на себя роль философии). Но между этими областями он помещает минимальный порядок, который мы называем «унилатеральным» порядком, который исключает всякую иерархию тождеств, не совершая их унитарного выравнивания между собой и не вводя анархистски настроенную множественность, которая всегда будет остатком от разложения авторитарных форм. Таким образом, философия различает порядок и господство, приоритет и первенство. Отсюда идея о трансцендентальном, а не трансцендентном порядке мышления, которое оказывается транс-философским и транс-научным только потому, что в своей основе это демократический порядок тождеств, которые признаются таковыми в силу своего приоритетного права на это.

Если философия была и остается лишь мнением и плохо воспитанной страстью, следует совершить переход из состояния войны и конкуренции, состояния эксплуатации мышления а, следовательно, человека, к гражданскому состоянию, демо-

кратическому и человеческому. Это демократическое очеловечивание — одна из целей не-философии (если у нее имеются таковые) и, возможно, ее единственная цель, если мы желаем поместить Реальное в сердцевину человека или человека в сердцевину Реального, а не размещать одно на периферии другого, как это происходит в философии. До сих пор традиция была всеобщей стихией философских решений: она была *Kampfzeit* (временем битвы) в той же степени, что и *Kampfplatz* (полем битвы). Традиции, понятой как пространство-время философской битвы, противопоставляется не-философский перевод философий в новую универсальную среду, следовательно, в справедливый порядок, далекий как от «различия», так и от нигилизма в качестве его остаточного феномена. Еще до всякого перевода существует неперебиваемый абсолют — Реальное, которое неизбежно будет отброшено из любого перевода.

Однако взамен оно делает возможным перевод философий в их трансцендентальный эквивалент или их относительно независимую — не-философскую — форму, вне которой они остаются самими собой, однако внутри нее они переводятся в высказывания, которые будут «эквивалентны» Реальному. «Не-философия» — это всеобщий словарь философий, трансцендентальная идиома, отсылающая к мышлению, которое соотносится с этими философиями. Прагматика такого перевода философских решений: открыть и изобрести совокупность условий всеобщего мира, но не посредством международного, а через построение конкретного местного наречия, создающего для мышления всеобщую идентичность. В силу этого только один «язык» способен полагать законную, не эмпирическую, множественность философий и также ввести в мышление мир посредством демократии.

Боремся ли мы против предположений философии посредством того, что может быть воспринято в качестве очередного предположения? Предположения о том, что не-философия — это мышление, которого заслуживает философия, но не может отыскать внутри себя собой, учитывая свои собственные ре-

сурсы. Философия стала новой ставкой, разыгрываемой между философией и не-философией, между самой собой и Реальным. Нам хорошо знаком вопрос: должен ли воспитатель быть воспитан? И этот мыслительный скачок может совершаться до бесконечности: кто пофилософствует над философией? Однако философия не может строго и реальным образом мыслить саму себя, она может рефлексировать над собой, метафилософствовать, но не может изобрести иное мышление, которое не было бы лишь ее двойником или отражением. Философия доходит до таких вещей как деконструкция или диалектика, а порой даже до таких абсурдных вещей как пост-философия, пост-метафизика, но даже в таком случае она не отказывается от своей власти над Реальным, пускай ей и приходится ограничить эту власть или деконструировать. Проблема не в том, чтобы сделать что-то философское с той или иной философией, прибегая к случайным средствам другой. Во что превратить саму философию? Речь не от философии, взятой «глобально», «общо» или «тотально», ведь мы не претендуем совершать выход за ее пределы, ибо никогда туда не входили. Что делать с философией в связи с ее идентичностью? Кто может ее определить (*déterminer*) ее? Кто сможет правильно ее употребить, если этой фигурой больше не будет сам философ? Кто будет задавать множественность философских решений, если даже философы, влюбленные во множественность (Бытия или Становления), воздерживаются от полагания множественности философий, которая не была бы ограничена их философией, но лишь включала бы их собственную философию наряду с прочими? В строгом смысле не-философия — это не воспитательница философии, а «субъект», который воспринимает и преобразует философию, сила мышления или сила-мышление, образующая субъекта не-философии для каждой из философий. Что за субъект будет совершать рецепцию философий, если не любой человек, тот самый «всякий» как «абсолютно-один-каждый»? Тем не менее философия слишком часто желает авторитарно навязать себя людям (посредством воспитания,

понятого как философское): она пытается изменить их с целью приспособить их к этой рецепции. Этой селекции людей, проводимой философами посредством философии, мы противопоставляем индукцию и дедукцию не-философа, которые последний будет совершать, двигаясь от реального человека к философии: пусть есть конкретный реальный человек в качестве «первого термина», абстрагированного от своего философского определения и нетрансформируемого философской технологией, что из этого следует для философии, которая [в отличие от человека] вполне может быть преобразована? Вместо того, чтобы менять человека, не-философия меняет философию. Вместо того, чтобы выдумывать очередную философию и авторитарно выводить из нее человека, не-философия совершает обратное: давайте оставим себе только данность человека, что вытекает из этого для философии?

The Beginnings of non-philosophy.

Introduction

François Laruelle — Université Paris-Nanterre, Paris, France;
email: francois.laruelle@free.fr

The text is an authentic introduction to non-philosophy and a literal introduction to Laruelle's seminal work, *Principles of Non-Philosophy*, in which Laruelle unfolds his basic principles and ideas, as well as his basic non-philosophical axiomatics. Beginning with the non-philosophical, or rather with the «non-philosophical fields» that all philosophy sets up, peripherally fixing them as by-products of its philosophical work, its Other, he proposes to axiomatize the discovered «One» as the most fundamental, or «last», instance, not akin to Difference, the Other, or even to Being. This One, the One-in-One, is the Real, the non-reducible residue and something that philosophy claims in its usual Midasian gesture of totalization. Such a Real, according to Laruelle's thought, suspends the philosophical machinery of the production of «hallucinations», while wishing neither the death nor the end of philosophy, but establishing non-philosophy as a theory of philosophy that treats the various philosophies as its subject, data, or raw material. According to Laruelle, non-philosophy allows us to fix a basic philosophical matrix where transcendence and immanence are extreme terms shuffled around

in various combinations, but neither of which reaches the Real by presenting put-downs, but certainly claims it in its obligatory philosophical gesture of self-presentation and self-sufficiency. Instead, Laruelle proposes to consider the relation of combinatorial matrices to the Real as a «unilateral duality». Unilateral, or unilateral-term, unilateral duality can be formalized as follows: some X depends on Y, but is itself independent of X, where X is the always-clone of the Real, or One-in-One, transcendent and derived from transcendence, and Y is the Real-One, axiomatically given and absolutely indifferent.